

В.И. Кабрин

## ТРАНСКОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛИЧНОСТНОЙ ОДАРЕННОСТИ И КРЕАТИВНОСТИ

*Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0277 от 26.07.2012.*

В статье предлагается переосмысление фактора и феномена одаренности в динамике душевной жизни человека на основе транскоммуникативного анализа. Он позволяет увидеть в одаренности переходы, трансформацию и синергию основных модальных, структурных и уровневых качеств психической организации человека в целом, т.е. уникальное соотношение мотивационной, когнитивной, креативной и эмоциональной модальностей на уровне темперамента, характера, интеллекта и сознания. Наиболее контрастным фактором в этом контексте выступает креативность, акцентирующая уникальную доминантную конфигурацию жизнотворческого потенциала человека на примере математических способностей.

**Ключевые слова:** транскоммуникация; одаренность; предназначение; креативность.

На современном этапе исследования одаренности оказываются уже явно недостаточными редуцирующие и «инвентаризирующие» подходы к этому сложному явлению. Это касается трехкольцевой модели Дж. Рензулли, выделенных характеристик одаренности Дж. Уолтерса и Х. Гарднера, пятифакторной модели Холидея и Чандлера, мюнхенской модели одаренности К. Хеллера, концепции психологической структуры одаренности А.М. Матюшкина (1993) и др. Многомерность феномена заставила ученых различать генетическую, потенциальную, детскую, взрослую одаренность вплоть до мудрости [1]. Взгляд на эту ситуацию с точки зрения современной холистической духовной психологии [2, 3] позволяет предположить интегральность и трансцендентальную природу рассматриваемого фактора, который нельзя выделить и абстрагировать как отдельный феномен. Необходим более широкий взгляд, позволяющий понять одаренность в контексте хронотопа жизненного мира личности *транскоммуникативного* по своей природе [4, 5].

### Переосмысление одаренности и креативности в контексте транскоммуникативного подхода

Вместо простого перечисления отдельных характеристик или эмпирических факторов одаренности необходимо понять ее как уникальное целостное структурно-динамическое состояние «душевной матрицы» конкретного человека в резонансе с соответствующими уникальными особенностями его бытия-в-мире. Конечно, речь идет об одной из возможных холистических матричных моделей, которую в качестве базовой было бы нецелесообразно перегружать деталями. Однако если мы выделим базовые «горизонтальные» качественно своеобразные, несводимые друг к другу, но взаимопроникающие модальности душевной жизни, то их уже будет как минимум четыре<sup>1</sup>:

- мотивационная (иницирующая, побудительная, интенциональная);
- когнитивная (познавательная, реконструирующая, отображающая);
- креативная (имагинативная, конструктивная, созидательная);
- эмоциональная (интуитивная, эмпатическая, ценностно-смысловая).

В схеме Дж. Рензулли [1] отсутствует эмоциональная модальность как специфическая, поэтому модель теряет онтологичность и выглядит как логическая абстракция, не случайно представленная логическим пересечением кругов. Однако указанные модальности уже со времен Дж. Дьюи образуют целостный акт, в котором они могут рассматриваться и как переходящие друг в друга основные стадии творческого процесса [7]. Именно в творческом процессе одаренность открывается и реализуется как жизнеобразующий фактор.

Здесь уместно вспомнить классическую и до сих пор актуальную четырехфазную схему творческого процесса Уоллеса. Обычно называются следующие стадии:

- подготовка (встреча с проблемой);
- созревание (неосознанное погружение в многочисленные аспекты проблемы);
- озарение (внезапное осознание и переживание новой идеи);
- проверка (оценка, углубление, переформулирование первичной идеи в направлении ее лучшего понимания и признания).

Многочисленные попытки корректировки и усложнения этой схемы не привели к принципиальным открытиям [8]. При этом остается в тени латентная креативная идея самой схемы Уоллеса, отмеченная А.Н. Луком [9]. Выделенные фазы творческого процесса характеризуют не только творчество культуры (научное, художественное, техническое и т.п.), но и творчество природы. В живом душевном процессе эти стадии очень похожи на (соответственно): влечение, влюбленность; зачатие и вынашивание; роды; принятие, признание и воспитание новой формы жизни. Премущественность творчества природы и культуры здесь акцентирует трансперсональный холистический аспект человеческой одаренности, включенности ее в духовное измерение жизни человека-в-мире [10]. В итоге мы имеем возможность видеть многоуровневую «вертикальную» структуру динамики одаренности:

- генетическая предрасположенность к своеобразному переживанию жизненных ситуаций;
- сенситивная увлеченность уникальными аспектами своего жизненного мира (а не просто внешними средовыми факторами);

- открытие и осознание своего особого призвания;
- осмысление своего предназначения как ответственности за свою жизнь.

В данном ракурсе могут стать более понятными основные онтогенетические трансформации одаренности в личностном контексте – от дара к ответственности. В таком контексте возможно многосторонне конкретизировать – каким образом эти трансформации обеспечены основными разноуровневыми психологическими системами жизни конкретного человека как организма, индивида, субъекта, личности. Эти системы в свою очередь содержат соответствующие индивидуальные структуры темперамента, характера, интеллекта, сознания<sup>2</sup> [11].

Представленные здесь горизонталь и вертикаль организации душевных процессов человека образуют функционально-генетическую и структурно-динамическую матрицу, уникальность доминантных факторов которой может в различной степени соответствовать (или не соответствовать) уникальным аспектам его жизненного мира. И человек в процессе жизни чувствует – удастся ли ему реализовать свой дар или нет, согласуется ли его судьба с его предназначением. Чтобы понять это главное *соответствие*, в котором реализуется или не реализуется его *одаренность как предназначение*, в котором он оказывается *достойн* или не *достойн* своего таланта, нужно обратить внимание на главный фактор этой реализации, интуитивно угадываемый многими психологами, но остающийся до сих пор недостаточно отрефлексируемым. Речь идет о том, что любой творческий процесс – это всегда особая *встреча* внутренних возможностей человека и доступных ему (откликающихся) возможностей жизненного мира. Поскольку встречается *новое с новым*, а встреча как психологический феномен *смыслообразования* принципиально отличается от механического взаимодействия, в реализации одаренности мы всегда имеем дело с творческой коммуникацией, или *транскоммуникацией*. Поскольку работа осуществляется в ориентации на кросс-культурные исследования, в которых методологический подход является главным по отношению к варьирующей тематике [12, 13], то концепцию транскоммуникации в качестве методологического основания следует представить здесь более детально.

#### *Креативность коммуникативного импульса (встречи)*

Отмечалось, что коммуникативный импульс уже легко обнаруживается в альтруистической улыбке младенца (в отличие от улыбки – удовольствия от питания) [14]. Однако не стоит забывать, что такой приятной встрече с мамой предшествовал ряд стрессогенных ситуаций родовой деятельности и внезапная встреча с абсолютно незнакомым «чужим» внешним миром. У взрослых эта проблема коммуникативной встречи, как правило, связана с конфликтом полярных мотивов – «жаждой изречения» и «страхом обреченности». Ибо встреча – это всегда выход за пределы «себя» в реальную *неопределенность* с переживанием *децентрации*. Но этот выход не гарантирован; можно провалиться в пустоту игнорирования, непонимания, отчуждающих насмешек или конфронтаций. Встреча как децентрация,

как преодоление аутизма, эгоцентризма – это всегда риск. Но только в нем и проявляется первичный потенциал креативности и «достижений», т.к. *состоявшаяся встреча* (в отличие от механического взаимодействия) есть достижение, преодоление себя и открытие нового.

Таким образом, как ни парадоксально, коммуникативный импульс начинается со *стресс-мобилизации*. И если это эустресс (Г. Селье), т.е. собственно *коммуникативный стресс*, то он индуцирует «транс» как переход границ, как децентрацию, что неизбежно увеличивает вероятность *отклика*, т.е. реализации встречи. Поскольку здесь речь идет о *трансформации* новой энергии стресса в энергию трансa, мы получаем первичное представление о транскоммуникативном факторе (ТК-фактор) как стресс-транс-формации (СТФ). В этом случае реализация ТК-фактора коммуникативного импульса во встрече (с партнером или любым событием в жизненном мире человека) может рассматриваться как *первичное творческое достижение* в качестве переживания новой синтонности, синхронистичности, т.е. *транса* как уже принципиально нового пикового переживания. Ранее мы подробно описали структуру или векторное поле переживаний транскоммуникации как единый цикл (что-то наподобие фрактала): катарсис – импринтинг – экстенсия – инсайт [4]. Поскольку они имеют интуитивно-эйдетическую феноменологию синтонности миру, мы предположили, что этот первичный транс-фактор коммуникативного импульса образует структуру или поле *микронеозиса как духовное основание сотворчества* человека в его жизненном универсуме [4, 15]. Этому же соответствует, возможно, еще более важное следствие.

*Креативность транса* по любому вектору, особенно в катарсисе и инсайте, обнаруживает также удивительную синтонность и синхронистичность разнопорядковых, разноуровневых миров человека. Очищающий катарсис высокой мысли, эйдоса, чувства сопровождается *слезами*, перераспределением тонуса в органических процессах, соответствующих *физиологическому очищению*. Организм становится синтонен в меру своих возможностей ноэтическому, духовному процессу в человеке. Инсайт как ноэтическое духовное озарение сопровождается просветленной улыбкой, смехом с соответствующей синтонной органикой телесности. Получается, что транскоммуникация делает общающимися разномерные миры: от метакоммуникативного метаноэтического до протокоммуникативного телесного, т.е. в ней воплощается *трансцендентная призванность человека*.

#### *Творческий потенциал элементарной коммуникативной ситуации*

Рассматривая транскоммуникативный фактор в более эксплицитном и дифференцированном плане, можно выделить основные функциональные моменты-позиции базовой коммуникативной ситуации. Это партнеры с циклически меняющимися позициями коммуникатора и реципиента; предмет общения, удвоенный в опыте партнеров, и, конечно, удвоенная интерпретация способов символизации «раздвоенного» партнерами предмета (язык, тезаурус, дискурс, стиль и т.п.) [4, 16].

Здесь отчетливо вырисовывается многосторонняя проблемная ситуация, требующая именно креативного решения в транскомуникативных инициативах партнеров. Уход в стереотипные конвенции «по поводу...» ведет скорее к фальсификации общения, недоразумения от которого могут сохраняться долго, но неизбежно приводят к взаимным разочарованиям. Конкретизируем проблемные неопределенности, требующие транскомуникативной инициативы партнеров при создании общей коммуникативной ситуации, которой еще нет. Нас интересуют две координаты – *интерактивная* (ориентация партнеров друг на друга и друг в друге) и *информативная* (ориентация партнеров во встречных презентациях «предмет – язык»).

Эти проблемы имеют классические описания (М. Форверг – Ю. Шрейдер), и суть их в следующем [17]:

1. Я формирую интеракцию с партнером, исходя из *своего* образа себя и образа партнера, каким Я его себе представляю. Партнер, общаясь со мной, также исходит из *своего* (другого) образа себя и меня. В таком случае *фальсификация* общения или «мимоговорение» обеспечено.

2. Предъявляя предмет общения якобы общепринятыми языковыми средствами, я исхожу из уникального, сокровенного опыта их освоения, а при этом партнер поступает точно так же. Таким образом, *фальсификация* якобы общего информационного, смыслового поля также достаточно очевидна.

Даже длительные квазинаучные дискуссии об определении общего смысла опыта и единства интерпретаций тезаурусов и дискурсов могут создать лишь временную успокаивающую иллюзию договоренности (Р. Барт «S/Z»)³ [18].

Коммуникативные тренинги, тренинги сензитивности и т.п. практики, формирующие культуру обратной связи и дающие представления о том, как мы друг друга чувствуем, что мы думаем друг о друге, при ближайшем (психоаналитическом, феноменологическом или экзистенциальном) рассмотрении обнаруживают трудно преодолеваемые препятствия. При этом представим, что в обычном спонтанном общении такие формы погружения в череду моментов меняющейся коммуникативной ситуации, по сути, нереальны. Этим я хочу подчеркнуть, что в любой коммуникативной ситуации без инициативного риска ее спонтанной креативной транскомуникативной «перепланировки», точнее «сплавления», не обойтись.

На самом деле естественный, интуитивный, творческий способ воссоединения коммуникативной ситуации в жизни существует, хотя и трудно рефлексруется (что может быть и к лучшему, имея в виду «проблему сороконожки»). Этот процесс в общении определяется нами как одновременная, лучше «синхронная обратная связь» (СОС) [11]. Этот феномен стар как мир человека, его яркие следы находят в палеолите, в древнем искусстве [19].

Человеческая коммуникация издревле протекала как динамическая синестезия аудиальных и визуальных, интерактивных и эмотивных образов. И в современном общении задействованы все эти векторы синестезии и трансформации, даже когда речь идет о специализированных «деформированных» формах одно-

сторонней публичной коммуникации – псевдомонологе (лекции, докладе, «проповеди» и т.п.). Конкретно это выглядит следующим образом. Когда я *произношу* длинную речь *слушателям*, где на поверхности односторонняя аудиальная коммуникация, то синхронно многие из вовлеченных в процесс становятся коммуникаторами в визуальном канале, имея множество средств (часто неосознанных), чтобы показать свое понимание – непонимание, согласие – несогласие, принятие – непринятие, важность – неважность, внимание – игнорирование, вовлеченность – безразличие, соразмышление – отвлеченность, восторг – возмущение... Этот многомерный спектр визуальной коммуникации кажется бесконечным – не менее, чем аудиальная болтливость коммуникатора.

Спонтанно реагируя в качестве реципиента на всю эту мозаику встречной визуальной информации, человек может синхронно импровизировать множеством лингвистических и паралингвистических вариаций речевого сообщения. Вспомним, что только интонация может нести от 70% (и более) важной смысловой информации. Таким образом, внешне односторонний монолог может оказаться интенсивным творческим диалогом, если я в качестве протагониста погружен с СОС (SOS!)⁴. Синхронный интуитивный «перевод», трансформация визуальных образов-ответов в аудиальные речевые образы рождает *трансмыслы* именно этой коммуникативной ситуации. Я и партнер становимся соавторами творческого транскомуникативного процесса. Этот процесс начинает осознаваться и в наиболее эффективных формах повышения квалификации психотерапевтов в качестве супервизоров. «...супервизия – это дорога с двусторонним движением и обе стороны – супервизор и супервизируемый – могут меняться местами, т.е. мы супервизируем и нас супервизируют. И эти процессы происходят одновременно» [20. С. 10–11].

#### *Творческая динамика коммуникативного пространства личности, группы, организации*

Коммуникативное пространство – это по сути функциональная дифференциация рассмотренных коммуникативных ситуаций в конкретных социокультурных контекстах, где культурно-исторически определились основные типы, уровни и формы общения: контакты, беседы, диалоги, отношения. В прежних работах автора представлены матричная, структурно-динамическая, функционально-уровневая и холархическая модели коммуникативного пространства [4, 6]. Для рассмотрения здесь коммуникативного пространства как динамического творческого процесса и потенциала личности и группы необходима новая его репрезентация в виде смыслообразующего пульсирующего поля коммуникативных форм разных уровней психонергетической плотности. Если двигаться от глубинного ядра к границам этого поля, вырисовывается следующая картина транскомуникативных интенций: архетипические «пресубпозиции»⁵ *контактов* (неожиданный контакт глаз, взглядов со спонтанно возникающей симпатией или антипатией); ситуативные интересы, образующие почву для *бесед* с формированием

позиций собеседников; актуализированные компетенции в решении проблем, рождающие интенсивные *диалоги и дискуссии*; ценностно-смысловые диспозиции, рождающие жизнотворческие *отношения*.

Каждый уровень коммуникативного пространства, как видим, имеет определенную специфику креативности. В контакте – это интуитивная пронизательность и смелость взгляда; в беседе – креативная оригинальность дискурса; в дискуссии – остроумное решение проблемы; в отношениях – это талант их установления и развития. Целостная *творческая потенциализация* коммуникативного пространства образуется кумулятивностью, транзитивностью и транскоммунитивными переходами между указанными разноуровневыми формами общения и переносами их специфических потенциалов. В жизни крайние варианты таких транскоммунитивных переносов известны как «любовь с первого взгляда» или же, напротив, такое же спонтанное агрессивное, паническое отвержение. В пределах устанавливающихся отношений эти креативные потенциалы у всех по-разному, но все-таки стабилизируются, а транскоммунитивные переходы облегчаются. Конечно, помимо этого происходят и неожиданные или постепенно зреющие вихреобразные конфликтные процессы.

В группе или организации эти процессы образуют психологическую атмосферу. А люди сами по себе, видимо, очень отлично друг от друга переживают и осознают масштабы и пределы своего коммуникативного пространства. Думаю, что система кросс-культурных исследований могла бы строить картографию этих коммуникативных пространств, прогностически ценных для разных сфер жизни общества.

#### *Транскоммунитивное сотворение жизненного мира человека*

Речь идет о наиболее емком и живом универсуме бытия человека как личности, который, кажется, приходит с самим младенцем – с его трансцендентным криком, а чуть позже с той самой альтруистической улыбкой. Этот феномен – рождение личности и ее жизненного мира – пробный камень всей психологии, в том числе кросс-культурных исследований. Существует множество его интерпретаций от *микроскопической* психосоматической телесноориентированной до *макроскопической* трансперсональной парадигм. Отчасти мы делали их обзор в предыдущих работах [4–6, 10, 11, 15, 16]. Здесь же мы сконцентрируемся на креативном аспекте жизненного мира человека.

Коммуникативный мир личности (например, студента в группе) как созвездие уникальных добровольных избирательных, ориентированных на взаимность отношений по важным аспектам (семантика партнера, интереса, переживания времени, т.е. хронотопа), совпадает или похож на ее повседневный коммуникативный мир за пределами конкретной группы. Иными словами, из группы в группу от первичной (семейной) до разных последующих компаний, тусовок, организаций, коллективов человек нес в себе и с собой какую-то синхронистичную *архетипическую или паттермальную структуру* как *потенциально вакантную* [6]. Че-

ловек ищет свой коктейль уникальности – избирательности – взаимности для полноты (оптимума) самореализации и роста. Наблюдая за конструированием схемы своего коммуникативного мира, можно увидеть, что, например, студенты удивляются и смущаются своим результатам («с кем... и зачем...»). Они чувствуют *отчетливый диссонанс*, общаясь не с тем и не о том. Однако было видно, что коммуникативные миры многих были отягощены этими неаутентичными отношениями. В определенном смысле проявляется аналогия с концепцией экзистенциальной коммуникации К. Ясперса (я чувствую согласие с Богом в молчании моей совести) [22]. Это ведет к трансцендентному ноэтическому пониманию природы коммуникативного мира личности как ее «духовного кокона». Если гипотеза верна, то коммуникативный мир выглядит как высшая ступень *со-творчества, со-присутствия* в духовной жизни и ноэзисе. Она определяет и высшую степень самореализации как *сореализации и соучастия* [23]. Таким образом, концепция коммуникативного мира достаточно определенно высвечивает область пересечения общей и социальной психологии, в которой человек – это не особь-субъект, а созвездие живых потенциально транзитивных и надситуативных, т.е. транскоммунитивных отношений [5].

#### **Личностная креативность в контексте одаренности человека**

Транскоммунитивная гармония в жизненном мире человека характеризуется смысловотворческим взаимопроникновением всех душевных модальностей и психологических структур, актуализированных его специфическими транскоммунитивными отношениями в мире.

*Креативная доминанта* в жизненном мире человека является наиболее яркой и важной с точки зрения реализации его одаренности. Это означает, что по горизонтали на каждом уровне она обогащена мотивационной, когнитивной и эмоциональной модальностями и образует конструктивную синергию психологического потенциала в целом. Она может быть специально рассмотрена на каждом уровне (по вертикали) как:

- спонтанное воображение и синтонность (креативный темперамент как спонтанный генератор идей);
- ситуативная и контекстуальная комбинаторика (креативный характер как «великий комбинатор»);
- проблемные, интеллектуально обеспеченные новые решения, идеи (креативный интеллект; дивергентное, латеральное мышление);
- осознание, рефлексия ценностно-смысловых моментов поиска решений в новом направлении (эстетическая чувствительность в креативном сознании).

В целом этот процесс дает человеку новое чувство жизни, чувство конструктивной трансформации коммуникативных отношений в жизненном мире, сопровождающееся пиковыми переживаниями и лучшим пониманием тонких *идеальных, эстетических форм* бытия-в-мире. Удивительным образом идеальное содержание собственно душевной жизни оказывается в определенном отношении эквивалентным, например,

специфической области человеческой одаренности – математической креативности.

### Проблема математической креативности в психологическом транскоммуникативном контексте

В становлении математической креативности в контексте образования, как общего, так и специального, достаточно целесообразным является подход, основанный на анализе разнообразия способов решения задач, соответствующих уровню подготовки школьников и студентов. Здесь находится удачный компромисс соотношения характера образовательной программы, зоны ближайшего развития учащихся и оценки возможностей обучающего влияния на потенциал развития самих математических способностей. Детальные исследования в этом направлении проведены В.А. Крутецким [24] и его последователями. Он достаточно ясно описал основные направления развития математических способностей, скорость которого говорит о степени математической одаренности:

- способность к обобщению математических объектов, отношений и действий;
- способность к свертыванию процесса математического рассуждения и системы соответствующих действий;
- гибкость мыслительных процессов;
- стремление к ясности, простоте и экономности (изяществу, эстетике);
- обратимость мыслительного процесса в математическом рассуждении (способность к быстрому и свободному переключению с прямого на обратный ход мыслей);
- склонность мыслить с помощью математических объектов;
- легкость и количество инсайтов в решении математических задач;
- малая утомляемость в процессе длительной и напряженной математической деятельности;
- математическая память (обобщенная память на математические отношения, типовые характеристики, схемы рассуждений и доказательств, методы решения задач и принципы подхода к ним);
- математическая направленность ума как общий синтетический компонент.

Перечисленные факторы математических способностей образуют специфический математический склад ума. В то же время В.А. Крутецкий предостерегает от расширительного понимания математической одаренности. По результатам его исследований не проявили себя как обязательные следующие компоненты:

1. Быстрота мыслительных процессов как временная характеристика. Индивидуальный темп работы не имеет решающего значения. Математик может размышлять неторопливо, даже медленно, но очень обстоятельно и глубоко.

2. Вычислительные способности (способности к быстрым и точным вычислениям, часто в уме). Известно, что есть люди, способные производить в уме сложные математические вычисления (почти мгновенное возведение в квадрат и куб трехзначных чисел), но не

умеющие решать сколько-нибудь сложные задачи. Известно также, что существовали и существуют феноменальные «счетчики», не давшие математике ничего, а выдающийся математик А. Пуанкаре писал о себе, что без ошибки не может сделать даже сложение.

3. Память на цифры, формулы, числа. Как указывал академик А.Н. Колмогоров, многие выдающиеся математики не обладали сколько-нибудь выдающейся памятью такого рода.

4. Способность к пространственным представлениям.

5. Способность наглядно представлять абстрактные математические отношения и зависимости.

Впрочем, два последних пункта, с нашей точки зрения, выглядят проблематичными.

В русле такого же подхода на современном этапе известный исследователь математической одаренности и креативности Р. Лейкин с соавторами (Б. Койху, А. Берман) [25] более строго рассматривают креативность на основе модели Дж. Рензулли, ориентируясь преимущественно на такие ее характеристики, как беглость и оригинальность решений; а также исследуют особенности их становления на разных этапах обучения в контексте роста разнообразия решений.

Однако если исходить из предложенного выше холистического взгляда на *креативность как встречу с идеальными формами и отношениями* жизненного мира, то необходимо обратить внимание на истоки эйдетического идеального переживания мира, кроющиеся в эйдосах и архетипах (по К. Юнгу) [26]. Как отметила последовательница К. Юнга и математик по образованию М.-Л. фон Франц [27], числа изначально имели для людей магическое значение, обладали трансцендентальностью и прорицательной притягательностью, притягивая к тому, что математик и трансперсоналог В.В. Налимов назовет семантической Вселенной.

Числа привлекают людей загадочной синхронией и сверхрациональностью. Загадка превращения *числа в форму* (количества в качества) со времен Пифагора и Платона до сих пор является волнующей. Кажется, что математический архетип как идеальная энергия является транскоммуникацией одного в другое в предельно и запредельно мыслимом масштабе. Так, единица (единичность), превращаясь в точку, может трансформироваться в Ничто (ноль) и в бесконечность (Вселенную). Поэтому уже не удивительно, что, рассматривая числа бесконечного ряда, мы всегда можем обнаружить в них неожиданно *новые отношения*, являющиеся *критериальными* для математической креативности и чувствительности:

- регулярные и иррегулярные,
- рациональные и иррациональные,
- прогрессивные и регрессивные,
- тождественные и подобные,
- соизмеримые и несоизмеримые,
- соразмерные и несоответственные,
- соответствующие и несоответствующие,
- транзитивные и нетранзитивные,
- изоморфные и гомоморфные.

В связи с освоением и различением этих качеств может соответственно расти способность к пониманию и разнообразию математических операций с числами,

ведущая к предсказанию закономерностей. Возможно, это элементарный пакет критериев математической креативности.

Однако трансцендентальная недоступность числа самого по себе, отмеченная М.-Л. фон Франц, обнаруживает еще более неожиданную синхронистическую трансформативность в определенную фигуру, структуру, форму, иногда даже недоступную воображению. Возможность чувствовать качественные формы, фигуры и структуры числа выражает новый, более интегративный уровень математической креативности. Видимо, здесь кроются психологические основания различий основных типов одаренных математиков – аналитиков и геометров, отмеченных Ж. Адамаром [28]. В этой связи прогностичным может быть решение задачи перевода структурной иерархии (типа дерева) в аналитическую матрицу и, наоборот, перевод числовой матрицы в иерархическую структуру.

Видение внутри конкретного числа динамической игры форм высвобождает и у математика, и у прорицателя архетипическую энергию, которой может быть достаточно для уникального решения. Например, особая магия и архетипичность числа 4 обнаруживается в символической жесткой и объемной фигуре из четырех треугольников, ставшей сакральным символом многих культур на тысячелетия.

По сути, мы перечислили основные аспекты математической креативности, в которых реализуются все уровни жизненной креативности человека, представленные в исходной модели:

– влюбленность в числа и живое математическое воображение (феномен трехлетней С. Ковалевской);

– контекстуальная комбинаторика в числовых рядах, пространствах, множествах (в предельном случае – «Человек дождя» – математический аутист);

– разнообразие качественно различных математических решений нестандартной проблемно-сложной задачи;

– стратегическая рефлексия и предвидение утилитарной и эстетической ценности математического моделирования.

Все формы математической креативности и математической активности вообще можно рассматривать как стратегии математического моделирования. Математика открывает ни с чем не сравнимые возможности сочетания свободы и точности построения любых моделей на основе произвольной аксиоматики (за которую платят теоремами). В результате, являясь непревзойденным универсальным инструментом любой науки, т.е. имея возможность отображать различные реалии нашего мира, математическое моделирование может создавать новые реальности, миры, не имеющие естественных аналогов, но которые неожиданно могут пригодиться в практике. Здесь предел математическим возможностям ставит лишь одухотворенное великодушие (творческое воображение) самого математика, ибо иначе эти модели существовать не могут. Поскольку в этот момент математика смыкается с психологией, анализ математической одаренности пока может быть завершен в надежде на развитие транскоммуникативного диалога между интуитивной математикой и трансперсональной психологией.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Более подробно обоснование четырехмерной динамической специфики основных психических модальностей в душевной организации человека рассмотрено в книге В.И. Кабрина «Транскоммуникация и личностное развитие» [6] и развито в последующих работах.

<sup>2</sup> Организм как носитель планетарной генетической информации, имеющий выраженный конституциональный рельеф и структуру и специфически проявляющий себя как уникальная вегетативная висцеросенсорная телесность, имеющий особенности ВНД и предпосылки темперамента, заслуживает того, чтобы рассматриваться как относительно *автономная система*, характеризующаяся не чисто органическими, но и нейропсихологическими и психосоматическими качествами. Определив, таким образом, специфический статус организма, мы можем сконцентрироваться в свою очередь на специфических и очень важных качествах индивида как аккумулятора *индивидуального опыта* постоянной ориентации и адаптации в изменяющейся непосредственной среде обитания. В этом смысле индивид, конечно, значительно более подвержен социализации, культурализации, нежели организм, хотя и последний несет на себе большие последствия социального образа жизни человека. В свете данных уточнений, антропологическая многомерность человека может быть представлена как развитие его взаимопересекающихся и относительно автономных систем – *личности, субъекта, индивида, организма*. «Обратная» последовательность основных модусов существования человека по отношению к традиционной схеме говорит о том, что мы продолжаем следовать предложенной гипотезе о нозтической природе человека, или нозтической антропологии. Наиболее сложным будет одновременное понимание личности как первичной нозтической инстанции (протоноя) человека в соответствии с антропологиической идеей и трансцендентным его самоосуществлением в трансперсональном масштабе метаноии. Пока мы можем лишь опереться на известные представления о развитии человека, сказав, что это самоосуществление будет происходить по мере становления и взаимопроникновения в личность остальных трех его ипостасей или систем – субъекта, индивида, организма.

<sup>3</sup> Ярким примером такой дискуссии по бесконечному распаковыванию смыслов дискурса является работа Р. Барта «S/Z» – первое знаменитое эссе интертекстуальности и практический опыт постструктуралистской деконструкции текста.

<sup>4</sup> SOS – *Save Our Souls or Save Our Spirits*. Здесь это многомерная метафора.

<sup>5</sup> Используется психолингвистический термин, рассмотренный В.А. Звезинцевым в работе «Предложение и его отношение к языку и речи» [21] как наиболее адекватно отражающий природу контакта как единицы коммуникации.

## ЛИТЕРАТУРА

1. *Холодная М.А.* Психология интеллекта. Парадоксы исследования. СПб., 2002. 272 с.
2. *Налимов В.В.* Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М. : Изд-во «Прометей» МГПИ им. Ленина, 1989.
3. *Шадриков В.Д.* Психология деятельности и способности человека : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательская корпорация «Логос», 1996.
4. *Кабрин В.И.* Коммуникативный мир и транскоммуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М., 2005.
5. *Кабрин В.И.* Нозтическая природа транскоммуникативной потенциализации базовых человеческих отношений в образовании // Преобразование жизненных миров человека / под ред. В.И. Кабрина. Томск, 2011. С. 334–378.
6. *Кабрин В.И.* Транскоммуникация и личностное развитие. Томск, 1992.

7. Шибутани Т. Социальная психология. Ростов н/Д, 1999.
8. Любарт Т. Психология креативности. М., 1993
9. Лук А.Н. Очерки эвристической психологии. М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2011. 229 с.
10. Кабрин В.И. Концепция творческой коммуникации (из опыта психологических практик) // Сибирский психологический журнал. № 40. 2011. С. 152–164.
11. Кабрин В.И. Антропологическая судьба субъекта // Методология и история психологии. 2010. Т. 5, вып. 1. С. 52–69.
12. Психология и культура / под ред. Д. Мацумото. СПб. : Питер, 2003. 718 с.
13. Мацумото Д. Человек, культура, психология. Удивительные загадки, исследования и открытия. М., 2008. 672 с.
14. Субботский Е.В. Генезис личности. Теория и эксперимент. М., 2010.
15. Кабрин В.И. Психологический универсум человека нозтического // Психологический универсум образования человека нозтического. Томск, 1999. С. 47–59.
16. Кабрин В.И. Нозтическая коммуникация: на пути к релевантному исследованию психологического опыта // Методология и история психологии. 2009. Т. 4, вып. 3. С. 5–24.
17. Vorweg M. Sozialpsychologisches Training. Jena, 1971.
18. Барт П. S/Z. М., 2009.
19. Екинцев В.И., Замарёхина И.В. Коммуникативный потенциал личности: диагностика и развитие : учеб. пособие. Чита, 2010.
20. Винер Дж., Майзен Р., Дакхем Дж. Супервизия супервизора. Практика в поиске теории. М., 2006.
21. Звезинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 2007.
22. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.
23. Феррер Х. Новый взгляд на трансперсональную теорию. Человеческая духовность с точки зрения соучастия. М., 2004.
24. Крутецкий В.А. Психология математических способностей школьников. М. : Просвещение, 1968. 432 с.
25. Креативность в математике и образование одаренных учащихся / под ред. Р. Лейкин, Б. Койху, А. Берман. Sense, 2009.
26. Юнг К.Г. Синхронистичность. М., 1997.
27. Франц М.-Л. Прорицание и синхрония. СПб., 2009. 224 с.
28. Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики. М. : Советское радио, 1970.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 26 декабря 2012 г.